

Академик РАН, вице-адмирал **Ашот Аракелович Саркисов** родился 30 января 1924 года в Ташкенте. Воевал с 1941 года по 1945 год. На войне он, как он сам выразился, был «фронтовым чернорабочим» — начинал рядовым боевым разведчиком, далее стал командиром отделения разведки, командиром взвода автоматчиков, офицером связи, командиром минометного взвода, командиром минометной роты, на фронте ему присвоили офицерское звание — закончил войну лейтенантом.

Как участнику Великой Отечественной войны и как военному ему вручены награды: ордена «Отечественной войны» I, II ст.; три ордена «Красной звезды»; орден «За службу Родине в ВС СССР» III ст.; 23 медали, среди которых — «За

боевые заслуги», «За победу над Германией в ВОВ 1941-1945 гг.», «За оборону Советского Заполярья» и др.

Интервью А.А. Саркисова:

— **Ашот Аракелович, расскажите, как вы попали на фронт.**

— С парада 7 ноября 1941 года.

— **Как? Вы участник того самого знаменитого парада на Красной площади?**

— Нет, этот военный парад был в Куйбышеве. Теперь мало кто знает, что 7 ноября 1941 года, наряду с широко известным военным парадом в Москве, был проведен военный парад и в «запасной столице» — в Куйбышеве. И по своему статусу именно этот парад в Куйбышеве должен был считаться главным военным парадом страны в ноябрьские дни 1941 года — на нем присутствовало почти в полном составе, приехавшее сюда всего за две недели до этого, все Правительство страны во главе с «всесоюзным старостой» М.И. Калининым. Слева от трибуны расположился весь дипломатический корпус. Принимал парад маршал К.Е. Ворошилов. И только И.В. Сталина здесь не было, он оставался в эти дни в Москве, которая подвергалась бомбардировкам и на подступах к которой шли сражения с немецкими войсками.

Мне было 17 лет, я только что стал курсантом I курса Высшего военно-морского инженерного училища им. Ф.Э. Дзержинского в Ленинграде, но не прошло и двух месяцев, как курсантов командировали в распоряжение Приволжского и Сибирского военных округов, где для отправки на фронт формировались соединения, частично укомплектованные списанными с кораблей моряками и курсантами высших военно-морских учебных заведений. Группу, в которую я попал, доставили в Куйбышев, и мы с ходу в составе 85-й морской стрелковой бригады приняли участие в параде. Я шел правофланговым, так что хорошо видел стоящих на низкой трибуне М.И. Калинина, Н.М. Шверника, К.Е. Ворошилова, А.Н. Вознесенского, Е.М. Ярославского и других членов Правительства. За нами шли танки «БТ-7» и «Т-35», мотопехота на машинах ЗИС-5, противотанковые пушки с тягачами, в небе волнами пролетели штурмовики «Ил-2», истребители и бомбардировщики. А после парада морских пехотинцев сразу же рассадили по эшелонам. Утром 31 декабря 1941 года в ясный и морозный день мы прибыли на станцию Сегежа, что на 250 км севернее Петрозаводска.

— **Поясните, пожалуйста, в каком формировании Красной армии вы оказались.**

— Это был Карельский фронт, в войне он действовал дольше всех других фронтов: три с половиной года — с августа 1941 года по ноябрь 1944 года. Его протяженность была самой большой: около 1500 км — от Ладожского озера до Баренцева моря. Здесь были особо сложные северные климатические условия, лесисто-болотистая местность, бездорожье — и вследствие всего этого линия фронта в Карелии не была сплошной, как на других фронтах. А кроме того, 21

пехотная дивизия и 3 бригады немецких и финских войск в полтора-два раза превосходили по численности советские войска. Их цель была — Ленинград: окружить его и захватить.

— **Каким был первый бой?**

— Мой первый бой был около станции Масельская. Финские войска прорвали оборону нашей 289-й дивизии и устремились к Кировской железной дороге, в районе 14-го разъезда разгорелся ожесточенный бой. Мы вступили в схватку совершенно неподготовленными, и потерпели жесточайшее поражение — батальон потерял четверть своего состава: 73 убитых и 147 раненых. Буквально уносили оттуда ноги.

Зима, глубокий снег, без лыж передвигаться невозможно. Но я человек южный — вообще не знал, что такое лыжи, когда двигался по снегу, лыжи все время уходили в снег. Я начал отставать от своих, понял, что могу попасть в плен к фашистам. Остановился, снял лыжи, одну лыжу со злостью ударил о сосну, поломал, вторую бросил — и побежал по пояс в снегу за нашими. Так, все-таки, вырвался, оттуда. Но во время боя на моих глазах прямым попаданием мины был убит мой товарищ по училищу им. Дзержинского — курсант Александр Леконцев. Я увидел мозги его, разбросанные по снегу, ужаснулся этой страшной картине и до меня дошло, что надвигаются страшные испытания, что война — это серьезно и надолго. Далее в течение двух дней и двух бессонных ночей я с большим трудом «пахал» по пояс в снегу за своим взводом. В итоге мы все-таки разъезд не отдали. Подошел 1044-й полк и остановил противника.

И все-таки, под натиском превосходивших нас немецких и финских войск нами были оставлены Выборг, Сортавала, Питкяранта, Олонец, Петрозаводск и Медвежьегорск. Враг вышел на ближние подступы к Мурманску, к Кировской железной дороге у Кандалакши, к Беломоро-Балтийскому каналу и на линию реки Свирь. Приведу цифры: при численности войск к началу операции 358 390 человек, в ходе отступления в первые месяцы войны войска Карельского фронта потеряли убитыми и пропавшими без вести 67 265 человек, а санитарные потери составили 64 448 человек — это раненые, контуженные, обмороженные, обожженные. Однако с декабря 1942 года по июнь 1944 года вражеские войска на Карельском фронте не смогли продвинуться ни на шаг.

— **Скажите, что вы тогда переживали: у вас был панический страх, вы плакали, кричали?**

— Ничего такого не было, состояние моего боевого духа, считаю, было очень достойным — я сумел преодолеть все трудности, никакого уныния или, тем более, плача не было. Конечно, были моменты, я же мальчишка семнадцати лет... Помню, стою на посту, луна, снег, температура минус 30 градусов, слышу треск раскалывающихся от мороза стволов деревьев, полная тишина, темень, я с автоматом — в этот момент, конечно, было страстное желание, чтобы скорее война кончилась, и чтобы я вернулся домой... Но были люди и хилые. Помню, один из бойцов, бывший учитель средней школы, интеллигент, милейший человек — настолько тяжело переживал войну, боялся смерти, был в унынии и апатии, что приходилось его взбадривать, морально поддерживать.

Скажу объективно: позже мы каким-то образом адаптировались к этим тяже-

лым фронтовым условиям, находилось время и для небольших радостей, и для отдыха. Хотя, в основном, время было заполнено тяжелой физической работой. Все военные зимы были очень холодные и потому поддерживать себя в этих суровых условиях в боевом состоянии требовало усилий на грани человеческих возможностей.

— Про ваш военный путь известно, что вы воевали в штрафной роте — вы были за что-то наказаны?

— В течение шести месяцев я воевал в отдельной штрафной роте №202 26-й армии. Но попал туда не как штрафник, а как комсомолец — на должность старшины роты. «Приключений» в роте было очень много. Например, на моих глазах сами штрафники убили двух командиров штрафных рот. И у меня во взаимоотношениях с рядовыми однажды также случился очень конфликтный момент, который неизвестно чем мог для меня закончиться. В целом, это был очень тяжелый период всей моей фронтовой эпопеи, недаром при исчислении выслуги лет один месяц пребывания в штрафной роте для нас нештрафников засчитывался за шесть месяцев.

Кстати, в штрафных ротах были отнюдь не только закоренелые уголовники, про которых не известно: в кого он намерен целиться — в противника или в тебя. В штрафной роте были, в том числе, и очень интересные люди, интересные судьбы. Ведь очень многие оказались осужденными по пустяку. Расскажу про узбека Мамадалиева из города Чирчик (из-под Ташкента). Он отец семьи с четырьмя детьми, и ему очень нужно было живым вернуться к семье. Но был единственный способ вернуться — попасть в госпиталь. Сделать себе самострел в то время было уже невозможно — причину ранения легко идентифицировали по остаткам пороха на ладони. Выходит, ему надо было получить ранение от пули противника. Он сидел в окопе, выставив руку вверх во время интенсивной пристрелки, ждал, когда в нее попадет немецкая пуля. На фронте это называлось «голосовать в окопе». И пуля, разумеется, попала, он оказался в госпитале. Но перед этим его допросили, и он по душевной слабости рассказал, как это все произошло, его арестовали, дали несколько лет, он попал в какую-то колонию, а потом туда приехала комиссия и, отбирая осужденных по не очень серьезным статьям, мобилизовала его на фронт — в штрафную роту. Так он попал ко мне — ну очень хороший был дядька! В итоге я Мамадалиева, чтобы ему полегче было, назначил ездовым — он ухаживал за лошадьми, занимался перевозками продуктов и снаряжения. Через некоторое время его освободили, он продолжил службу, но дальнейшую его военную судьбу не знаю.

— Была ли какая-то неожиданность, которая запомнилась на всю жизнь?

— Я был тогда командиром отделения разведки, каждое отделение тянуло за собой сани-волокуши на случай эвакуации из нейтральной зоны раненых бойцов. Задача разведгруппы — уточнить расположение, состав группировки и линии переднего края противника, выявить огневые точки — пулеметные, минометные, артиллерийские. Когда залегали для наблюдения в непосредственной близости от переднего края противника, надо было лежать неподвижно, ничем не выдавая своего присутствия — на морозе, иногда часами. Однажды, выполнив задание, в темную безлунную ночь возвращались по карельскому лесу к

своим — и слышали вроде человеческий стон «Братцы, ратуйте». Мы знали, что к такому провокационному приему иногда прибегали затаившиеся в засаде фашисты. Тем не менее, я принял решение с двумя бойцами двинуться в направлении звука, оставив остальных для прикрытия. Звуки прекратились, полная тишина — подозрительно! Но мы шаг за шагом продолжали движение. Обозначились смутные контуры какого-то сооружения типа землянки. Из глубины вновь раздался и тут же прекратился очередной стон. Там мы обнаружили тела убитых красноармейцев, оставленных в нейтральной зоне отходившими частями. И среди трупов был тяжело раненый боец.

Растаскивая замерзшие трупы, мы добрались до живого, уложили в сани-волокуши и через час достигли нашего расположения. Спасенным оказался боец нашей бригады, украинец, красноармеец Шмелев. Дальше он перенес тяжелую операцию, но, все-таки, остался жив.

А через несколько недель при аналогичных обстоятельствах удалось вытащить из нейтральной зоны припорошенного снегом, замерзающего, тяжело раненого «дзержинца» В. Ольшанникова. Невероятно, но через много лет мы с ним случайно встретились летом в Ялте, в санатории Краснознаменного черноморского флота — я был уже в звании вице-адмирала, руководил Севастопольским высшим военно-морским инженерным училищем, а он был начальником одного из ведущих отделов Центрального научно-исследовательского института кораблестроения. Это был незабываемый вечер рассказов о том, что сохранила память с фронтовых времен.

— В книге своих воспоминаний вы пишете, что были командиром отделения во взводе автоматчиков 1-го стрелкового батальона, командиром взвода 1-й минометной роты 26-го стрелкового полка. Запомнились, наверное, одни бои...

— Не поверите, боевые эпизоды, связанные с риском для жизни, в памяти с годами уходят как бы на второй план, а на первый план выходит то, что война — это был, прежде всего, тяжелый труд. Кочевая жизнь из-за частых перемещений бригады вдоль линии фронта, напряженные физические нагрузки при строительстве оборонительных сооружений при не соответствующем этим работам скудном рационе. И в это время сильные морозы, глубокие снега карельских лесов, короткие сумрачные световые дни. Бесконечно занимались строительством землянок, жить-то негде, за четыре года войны я всего один раз спал на кровати, остальные ночи проводил либо в землянке, либо под открытым небом на траве и на снегу. Сейчас можно только изумляться, как после 25-30-километрового марша по лесам, болотам и покрытым мхом скользким булыжникам с короткой передышкой на ужин из полевой кухни, мы приступали к строительству очередной землянки. Ломами и лопатами взламывали замерзший грунт, рыли котлован для землянки, пилили бревна и жерди для стен и крыши. Обычно на строительство землянки уходила почти вся ночь. Но бывало и так, что мы не успевали поселиться в построенной с таким трудом землянке, так как утром поступала команда на выдвижение в новый район дислокации.

Часто батальон, рота, а то и взвод, оторванные от других сил, в условиях леса или северных голых скал удерживали высоты, дороги — в условиях зимней стужи и полярной ночи, а если это была не зима, то шли дожди, тяжелые вещ-

мешки и оружие тянули к земле, боевые действия проходили в условиях непроходимых топей и нетерпимого летнего гнуса, досаждали тучи комаров и особенно мошки — от них не спасали ни мазь, ни сетка, ни махорочный дым.

Словом, выпавшие на нашу долю физические испытания совершенно невозможно было выдержать при обычных обстоятельствах, нередко, когда нам становилось известно, что утром марш будет продолжен, мы проводили морозную зимнюю ночь в наспех сооруженном шалаше или просто под открытым небом у костра.

В мае 1942 года получил повышение по службе — был назначен офицером связи батальона. Задача была — установление связи со штабами взаимодействующих соединений, выполнение отдельных специальных заданий.

— **А тут возникали опасные для вас ситуации?**

— Расскажу об одном из таких случаев. Ранняя весна, снежный покров еще не сошел, лед на озерах еще стоял. В штабе бригады вручили пакет: доставить командиру 1 батальона на противоположном берегу довольно большого озера, примерно на расстоянии 5-6 км. Местность просматривалась и простреливалась противником, поэтому я подождал, когда стало смеркаться, сел на лошадь и двинулся по лесу к озеру. Добрался до берега — было уже темно. По озеру за зиму накатали дорогу, но накануне выпал обильный снег и легко было сбиться с дороги. Что и произошло. Лошадь начала нервничать, несколько раз ее передние ноги оказывались на целине, она с трудом выбиралась на твердое основание дороги. Наконец, лошадь совсем сбилась, глубоко увязла в снегу. Был явный риск отклониться от маршрута, выбраться на какую-то другую дорогу, ведущую к высоте, занятой немцами. Или — угодить в полынью: уже началось интенсивное таяние снега. Чтобы облегчить бремя для лошади, я спешился, сам по пояс оказался в глубоком снегу, стал подхлестывать ее в предполагаемом мною направлении к дороге. Но лошадь увязала все глубже и глубже и — совсем остановилась. Пересечь озеро надо было непременно до рассвета, иначе опасность была предельная. И тут я вспомнил совет: в подобных случаях не надо навязывать лошади направление, надо дать ей полную свободу выбора. Некоторое время обессиленная вконец лошадь стояла как вкопанная, но потом начала двигаться медленными рывками, все время меняя направление — обладая более тонким, чем я, ощущением местности. Нашупала, в конце концов, невидимую под снегом поверхность дороги, не с первой попытки, с трудом, но полностью выбралась из целины. Приближался рассвет, но видя, как тяжело дышит лошадь, широко вздымаются ее мокрые бока, все же дал ей отдышаться. Не без труда взобрался в седло, но отпустил поводья, по-прежнему дал ей свободу выбора направления. Вот-вот уже должно было начать рассветать, вдали стал просматриваться лес, т.е. двигались к берегу. Стояла глухая тишина, ни единого звука — и никакой уверенности, что приближаемся к своим. Вдруг заметил в лесу искры из печек, т.е. там землянки — но чьи они, куда я попал? На берегу привязал лошадь поводьями к дереву, сам ползком стал медленно двигаться к ближайшей землянке. Вижу темную фигуру часового, но форму одежды не разглядеть в темноте. И вдруг слышу родной русский мат, радостно вскочил в полный рост. Часовой: «стой, стрелять буду!», я: «браток, свои!».

— **Спустя годы, сделали ли вы какие-то выводы из войны?**

— Конечно, да. Войну прошел, не занимая высоких должностей в силу своего молодого возраста и отсутствия военного образования. Поэтому все, что происходило, я тогда видел в узком секторе своего повседневного существования. А после войны многие вещи переосмыслил, опираясь и на жизненный опыт и на документальные источники. Сложилось определенное представление о роли союзников в Великой Отечественной войне, о мере их вклада в общую победу, о роли Сталина как главнокомандующего и руководителя нашего государства — даже написал по этому поводу статью, а потом целый раздел в 12-томной эпопее «Истории Великой Отечественной войны», где я был членом центральной редакционной комиссии.

Сложилось у меня и особое мнение о роли штрафных рот и заградительных отрядов.

— **Они были — правильным или ошибочным решением?**

— Заградительные отряды считаю грубейшей ошибкой — чтобы наши бойцы не отступали, заградотряды были сзади наших, это были хорошо одетые и добротно экипированные ребята из спецчастей, на рукаве у них была эмблема: почему-то два пересеченных артиллерийских ствола. Они стояли за нашими спинами и следили, чтобы мы не отступали. Данная мера мало что изменила в военной ситуации, но посеяла некий водораздел в военной среде. Мне кажется, приказ Сталина № 227 («Ни шагу назад!») был проявлением растерянности и отчаяния, в котором оказалось руководство страны перед лицом неожиданных колоссальных территориальных и людских потерь в самом начале войны. Ничего более действенного руководство предпринять было не в состоянии, и данная мера была как бы своеобразным психологическим громоотводом. К счастью, заградотряды просуществовали недолго.

О штрафных ротах. Их использовали для выполнения наиболее трудных и опасных заданий, для прикрытия самых уязвимых боевых направлений. В них были и уголовные заключенные, и те, кто получил срок, скажем, за политический анекдот. Среди штрафников было немало достойных, смелых и благородных людей, которые после возвращения из штрафной роты успешно воевали в линейных частях. И наоборот, мой фронтовой опыт убеждает, что, вопреки установившемуся представлению, уголовники в боевых условиях отнюдь не отличались особой храбростью и отвагой, вели себя крайне осторожно, если не сказать больше, заботясь прежде всего о своей безопасности. Вместе с тем, штрафная рота предоставляла возможность очень многим, случайно попавшим в тюрьму по пустяковому поводу, «искупить свою вину кровью» — так пафосно это тогда называлось, и далее продолжить нормальную фронтовую жизнь.

— **К счастью, вы остались живы. Как завершилась для вас война?**

— Продолжал воевать в качестве командира минометной роты 1-го стрелкового батальона 26-го стрелкового полка вплоть до конца апреля 1945 года, когда я по приказу командующего армией был откомандирован в Ленинград для продолжения учебы в Высшем военно-морском инженерном училище им. Ф.Э. Дзержинского.

Справка.

Ашот Аракелович Саркисов в 1950 году окончил Высшее военно-морское инженерное училище им. Ф.Э. Дзержинского (ВВМИУ) в Ленинграде — с занесением на мраморную доску почета. На Всесоюзном конкурсе научных работ слушателей высших военных учебных заведений в 1949 году получил первую премию. Параллельно с учебой в училище в 1951 году экстерном завершил обучение на механико-математическом факультете Ленинградского государственного университета.

С 1950 года служил на кораблях Балтийского флота в должности флагманского инженер-механика бригады торпедных катеров. В 1956 году, защитив кандидатскую диссертацию, начал службу в Севастопольском высшем военно-морском инженерном училище — оно стало основной базой подготовки инженеров для советского атомного подводного флота: прошел путь от преподавателя кафедры ядерных реакторов и парогенераторов до начальника училища. В 1968 году защитил докторскую диссертацию, в 1969 году присвоено ученое звание профессора, в 1978 году присвоено воинское звание вице-адмирал. В 1983-1985 гг. — заместитель начальника Военно-морской Академии по научной работе (Ленинград), 1985-1989 гг. — председатель научно-технического комитета Военно-морского флота СССР. С 1989 года после окончания военной службы — заведующий отделом Института высоких температур Академии наук. С 1990 по настоящее время — советник АН СССР (затем РАН), работает в Институте проблем безопасного развития атомной энергетики РАН.

Член-корреспондент АН СССР с 1981 года, академик РАН с 1994 года — Отделение энергетики, машиностроения, механики и процессов управления. Специалист в области проблем безопасности корабельной ядерной энергетики.

Академик А.А. Саркисов — известный в стране и за рубежом ученый в области атомной энергетики, ядерной и радиационной безопасности. Им внесен уникальный личный вклад в становление, развитие и обеспечение безопасности корабельных ядерных энергетических установок, в подготовку офицерских инженерных кадров для атомного подводного флота. Под руководством А.А. Саркисова создана уникальная учебно-лабораторная и научно-экспериментальная база, включавшая действующую энергетическую установку атомной подводной лодки второго поколения, первый в мире в составе учебного заведения исследовательский реактор ИР-100, передовой по тому времени электронно-вычислительный центр, крупные теплофизические и гидродинамические установки. Училище подготовило более 10 000 специалистов ядерного профиля, которые составили основной костяк офицеров-инженеров нашего атомного подводного флота.

Он автор около 400 научных публикаций, в том числе, более 40 монографий, учебников и учебных пособий, в числе которых первая в мировой литературе монография, посвященная исследованию переходных и аварийных режимов ядерных энергетических установок («Динамика ядерных энергетических установок подводных лодок», 1964 г.).

С президентом АН СССР академиком А.П. Александровым

Основные направления исследований А.А. Саркисова:

1. Исследования переходных и аварийных режимов корабельных ядерных энергетических установок, безопасность ядерной энергетики: разработка математических моделей нестационарных процессов в комплексе « ядерная энергетическая установка — гребной винт — корпус корабля»; экспериментальные и аналитические исследования аварий в корабельных ЯЭУ, связанных с разрывом трубопроводов 1 контура; исследования процессов в корабельных ядерных установках при качке и статических кренах корабля;

теоретические и экспериментальные исследования влияния мощных ударных воздействий на теплогидродинамические и нейтронные процессы в установках с кипящими ядерными реакторами; разработка методов и средств повышения устойчивости корабельных ядерных установок к аварийным воздействиям и смягчения потенциальных последствий аварий.

2. Исследования безопасности подземных атомных электростанций:

анализ последствий тяжелых аварий с расплавлением активной зоны в подземных АЭС;

оптимизация компоновки основного оборудования реакторного отделения АЭС с учетом подземного размещения, разработка нетрадиционных систем охлаждения реактора и локализации пара; разработка моделей для количественного сопоставления экологических последствий при авариях подземных АЭС и АЭС наземного размещения;

сравнительные технико-экономические исследования атомных электростанций при наземном и подземном размещении.

3. Разработка ядерных установок с термоэлектрическими преобразователями энергии: исследования влияния ионизирующих излучений реакторного

спектра на термоэлектрические характеристики полупроводниковых материалов; разработка многоэлементных термоэлектрических генераторов для работы в условиях активной зоны реактора; исследования режимов работы и переходных процессов встроенных в активную зону термоэлектрических генераторов; оптимизация основных характеристик ядерных термоэлектрических установок.

4. Разработка теории автоматической аварийной защиты ядерных энергетических установок: статистико-информационный подход к обоснованию сигналов, контролируемых системой аварийной защиты; разработка аварийной защиты с использованием комбинированных комплексов из определяющих параметров;

разработка алгоритмов аварийной защиты со скользящей установкой; использование критерия надежности алгоритма аварийной защиты с целью обоснования оптимальных уровней контролируемых параметров для срабатывания аварийной защиты; оптимальное резервирование каналов аварийной защиты.

5. Исследования по определению роли человеческого фактора в обеспечении безопасности ядерной энергетики: разработка моделей деятельности и методов оценки надежности персонала АЭС; выработка основных принципов профессионально-психологического отбора и подготовки специалистов для атомных станций в высших учебных заведениях и в учебных центрах.

6. Исследования радиационного и экологического риска, связанного с выводом из эксплуатации и последующей утилизацией атомных подводных лодок и атомных электростанций.

7. Исследования проблем безопасности объектов транспортных систем газопромышленного комплекса.

За последние несколько лет А.А. Саркисов стал инициатором и научным руководителем многих крупных комплексных научных и научно-прикладных работ по проблемам ядерной энергетики, ядерной, радиационной и экологической безопасности.

В послевоенное время:

Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» III, IV степеней, орденом «Знак Почета», орденом Почета, более 50-ти медалями — государственными, ведомственными, международными.

Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники.

Удостоен Золотой медали Российской академии наук им. академика А.П. Александрова. Лауреат международной энергетической премии «Глобальная энергия» — за выдающийся вклад в повышение безопасности атомной энергетики и вывода из эксплуатации ядерных объектов.

Ссылка на книгу: А.А. Саркисов «Воспоминания, встречи, размышления».

<http://www.ibrae.ac.ru/pubtext/38/>